

Ангелология в русской интеллектуальной истории: несколько эпизодов

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Аннотация. Размышления о природе ангелов в русской религиозной философии неотделимы от политической теологии и рефлексии над научно-техническими достижениями. В статье на основании трудов прежде всего Н. Болдырева, А. Лосева и С. Аверинцева доказывается, что учение об ангелах должно было одухотворить технический прогресс и одновременно сохранить гуманитарную культуру в области символическо-математических спекуляций. Поэтому русская ангелология диалогична и противоречива: она опирается на герменевтику символа, при этом символика рассматривается как часть интеллектуального производства, параллельного техническому изобретательству. Показывается, как именно рецепция идей, связанных с параметрами восприятия и определенный стиль интеллектуального рассуждения позволили выделить вопросы об ангелах в отдельную область философской проблематизации. Соответственно, исследование того, как именно данные вопросы мыслились как автономные, позволяет уточнить, как русская мысль могла утверждать автономию порядков философских рассуждений.

Ключевые слова: русская религиозная философия, ангелы, метафизика, А. Лосев, Н. Болдырев, С. Аверинцев, ангел-хранитель, политическая теология

Для цитирования: Марков А.В. Ангелология в русской интеллектуальной истории: несколько эпизодов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 22–35. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-22-35

Angelology in the Russian intellectual history. Several pages

Aleksandr V. Markov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
markovius@gmail.com*

Abstract. Reflections on the nature of angels in Russian religious philosophy are inseparable from political theology and reflection on scientific and technical achievements. Based on the works of N. Boldyrev, A. Losev and S. Averintsev, the article proves that the doctrine of angels was to spiritualize technical progress and not less to preserve humanitarian culture in the field of symbolic-mathematical speculation. Therefore, Russian angelology is dialogical and controversial: it relies on the hermeneutics of a symbol, while symbolism is considered as part of intellectual production parallel to technical invention. It is proved how exactly the reception of ideas related to the parameters of perception and a certain style of intellectual reasoning made it possible to single out questions about angels into a separate area of philosophical problematization. Accordingly, the study of how exactly the questions were thought of as autonomous, makes it possible to clarify how Russian thought could assert the autonomy of orders of philosophical reasoning.

Keywords: Russian religious philosophy, angels, metaphysics, A. Losev, N. Boldyrev, S. Averintsev, guardian angel, political theology

For citation: Markov, A.V. (2021), "Angelology in the Russian intellectual history. Several pages", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 22–35, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-22-35

В русской мысли об ангелах есть одно явное упущение: нигде не рассматривается пение ангелов, которое для русской поэзии не менее важно, чем их взгляд. Вдохновлявшая философов русская литература косвенно восходит в этом вопросе к античной риторической культуре, в которой любовь не просто с первого взгляда, но с первого звука голоса стала одним из топосов. Возможно, что этот топос – переосмысленный в целях риторического убеждения мифологический пласт, вроде эпизода с Одиссеем и сиренами. Но тем удивительнее, что несмотря на то, что «ангелы поют» – самое частое называемое в церковной поэзии действие этих существ, оно уходит из внимания русских философов, занимавшихся ангелологией. Даже А.Ф. Лосев, опирающийся на Ареопагитики, постоянно говорит о числе ангелов, их яркости, месте в мироздании, цвете, атрибутах, но не звуках. Также Сергей Булгаков в своем главном

ангелологическом труде упоминает пение ангелов только как один из аспектов их несомненной и при этом невыразимой красоты¹.

Конечно, никто не может обязать мыслить все называемые в авторитетных источниках атрибуты ангелов как предмет философского интереса. Но здесь интересно не само по себе воздержание от темы, которая в библейских и литургических источниках должна быть признана важнейшей, но то, какие двусмысленности при этом получают. Прежде всего одно невыразимое, нескончаемое или бесконечное (природа ангелов, их число или их действия) объясняется через другое столь же невыразимое (их атрибуты, их место в мироздании или их способ действия).

В этом смысле показательна позиция А.Ф. Лосева. В начале своего труда «Первозданная сущность» он называет ангелов смысловыми потенциями, противопоставляя их божественным энергиям по признаку тварности, но не по признаку отличия потенции от энергии. Но далее в этом трактате ангелы называются уже энергиями. Если внимательно проанализировать ход рассуждения, то оказывается, что тема потенции оказывается связана с темой огня, тогда как тема энергии – с темой света. Лосев замечает, что если «свет есть смысл и форма», то огонь «вмещает в себя и силу, потенцию, мощь нарастающего и в то же время уничтожающегося бытия»². Из свойства огня порождать из себя любое бытие в мифологических и научных системах и одновременно все пожирать, Лосев выводит необходимость синтеза созидания и разрушения, а значит и ангельский мир как то, что выступает как «становящаяся потенция первоединого, этот могучий и неистощимый поток и напряженная взрывность всякого и всяческого бытия»³. Получается, что потенциал огня объясняется потенциалом бытия, причем и потенциалом его самоуничтожения, и мы можем созерцать это саморегулирование огня, понимая, в чем ангелы потенциальны.

Огонь можно считать смелой метафорой, хотя имеющей библейские основания. Казалось бы, мистика света и понимание света как энергии достаточно разработаны в том числе и самим А.Ф. Лосевым. Но при разговоре о том, как ангелы являются светом и несут свет, опять неизвестное объясняется через еще более неизвестное:

¹ Булгаков Сергей. Лествица Иаковля: Об ангелах. Париж, 1929. С. 112.

² Лосев А.Ф. Первозданная сущность // Лосев А.Ф. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 111.

³ Там же.

Мир бесплотных сил облакает Божественную перво-сущность, со всех сторон заимствуя от нее свет и сияя, чем дальше, тем меньше, отсветом ее несокрушимой световой бездны⁴.

Получается, что свет как энергия истощается, но это объясняется тем, что световая бездна, энергичный источник энергий, не истошима, а несокрушима. Кручей своей непостижимости она возносится над тварными энергиями, которые могут только заимствовать от нее, признавая свою вторичность. Опять оказывается, что абсолютная энергия регулирует себя как бездна, как некоторое место и суть абсолютных событий, опять поток и несокрушимый взрыв, благодаря чему мы и понимаем, в чем ангелы энергичны.

Такие образы не вполне отвечают изложению основного учения А.Ф. Лосева об ангелах как о конструктивном начале бытия, вроде чисел или пропорций, возникающего диалектически как инобытие Абсолюта. Ведь конструкция подразумевает некоторую собственную устойчивость, независимо от того, приписываем ли мы ее порядку вещей или воспринимаем как условие, позволяющее мыслить вещи:

Бесплотные силы, как идея всего дальнейшего инобытия, осмысливают и оформляют все инобытие, и потому учение об Ангеле-Хранителе является совершенно элементарной диалектической необходимостью⁵.

Такое объяснение неизвестного через неизвестное мы встречаем у дальнейших специалистов по русской ангелологии, скажем, у Аверинцева, в общих чертах следующего Лосеву:

Жизнь ангелов не является полностью отрешенной от времени, поскольку они не обладают неизменностью Бога, как это очевидно из факта отпадения тех ангелов, которые стали бесами. Но непрерывной текучести присущей всему земному и, в частности, человеческой психологии, бытие ангелов не знает, и потому их выбор обладает свойством окончательности⁶.

Получается, что время описывается как изменчивость, но эта изменчивость объясняется как постоянная текучесть, психоло-

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ *Аверинцев С.С.* Ангелы // Аверинцев С.С. София-Логос / Ред. К. Сигов. Киев, 2001. С. 29.

гическая саморегуляция наших переживаний. Но это не саморегуляция, порождающая или схватывающая новые возможности психических состояний, но только некоторый способ обживания человеком времени, и поэтому отражается в бытии ангелов только тем, что они не могут ужитья во времени, а только соотносятся с ним так, что эта неуживчивость делает покорных ангелов ангелами людей, вещей и событий, а непокорных – бесами.

Также Аверинцев, со ссылкой на Иоанна Златоуста (без указания сочинения), говорит, что число ангелов представляет собой актуальную бесконечность. Флоренский, введший это понятие математики Кантора в богословие [Левина 2018], имел в виду исключительно вопросы богопознания, а не познание ангелов. Получается, что Аверинцев опять же отождествляет бесконечность и беспредельность, видя в бытии отдельного ангела те возможности умножения, которые объясняются только необъяснимой божественной милостью и прочими свойствами.

Таким образом, русская ангелология представляет собой не столько интерпретацию библейского откровения или созерцание некоторых условий созерцания, но спекуляцию вокруг того, как может работать система доводов, построенная на непостижимых и всякий раз специально расшифровываемых предпосылках. Поэтому тема ангельского пения в этой мысли не встречается: пение всегда слишком прямое самовыражение, там расшифровывать особо нечего. Но как именно возникла такая спекулятивная ангелология, и какой вклад в ее становление внес дух новой науки?

Представление о том, что человека отличает как от животных, так и от духовных существ наличие социальной речи и социального планирования, нормативно в западной культуре благодаря началу «Политики» Аристотеля и вариаций на ее тему, таких как «О народном красноречии» Данте. В таком понимании для ангелов не существует прямой границы между взглядом, словом и действием, они возвещают волю Всевышнего, не оглядываясь на возможные границы своей сотворенности или духовной телесности. Вопрос вроде того, телесны ли ангелы, в данной системе ставился совсем иначе, чем, скажем, в споре Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника (уже рассуждавших внутри *framework* новой физики), даже в Византии он ставился исходя из скорости и степени преданности служению, с опорой на математические идеи и здравый смысл [Ларионов 2008].

Кризис такого антропоцентризма в определении ангелов начинается в позднем Возрождении, когда ставится вопрос не только о специальных речевых (что было уже у Данте и Николая Кузанского [Базулева 2011]), но и о специальных когнитивных способностях

животных и ангелов, в отличие от людей, вопрос о «родах разумных существ», в котором люди, как и ангелы – только один из родов. Уже Лоренцо Валла утверждает, что роды надо понимать не по членениям наблюдаемой природы, как Аристотель, но по способности к действию, а знаменитый Т. Кампанелла как раз рассматривает музыкальность ангелов, по контрасту с нашей музыкальностью⁷. Мы воспринимаем гармонию на фоне дисгармонии, примерно так же, как ощущаем приятный запах благодаря тому, что прежде чувствовали вонь, тогда как ангелы и планеты пользуются заранее установленной гармонией. Кампанелла противопоставляет свой подход платонизму, в котором гармония мыслилась по аналогии со знакомой человеку музыкой. Кампанелла считает, что сами наши понятия о гармонии – только регулирующий момент, в сравнении с саморегуляцией в божественном мире, в котором нет никакой борьбы противоположностей – ничего не может быть противопоставлено Богу, потому что ничего не должно противиться Богу.

Учитель Павла Флоренского архимандрит Серапион Машкин попытался объяснить, как соотносятся единое и многое на примере слушания музыки. Когда мы слушаем музыку, мы настолько увлечены звучанием, что уходим от многообразия явлений в область строго абстрактную. Но при этом мы не можем стать созерцателями музыки, вообще не можем достичь состояния чистого созерцания как слушатели музыки, так как любой новый момент звучания, присоединяясь к предыдущему моменту, его опровергает.

Казалось бы, можно создать музыку из одного звука. Но Машкин замечает, что такая музыка не сделает нас все равно созерцателями, потому что она не совладает с нашей привычкой спать, иначе говоря, с нашим мечтательством, к которому мы предрасположены самой физиологией, а ангелы явно не предрасположены:

Углубимся в единый звук, ноту, взятую, например, на физическом инструменте «сирене». Слушая одну сложную и длящуюся ноту, мы можем прийти к состоянию моноидеизма, близкого ко сну. Все эти средства, следовательно, не достигают цели: созерцать о д н о⁸.

Сирена, генератор тона, была лишена влияния физических условий на амплитуду звучания, всех эффектов «дрожащей струны». Единственной причиной звука оказывается не состояние инструмента в данный момент, но подача воздуха, иначе говоря,

⁷ *Campanella Tommaso. Le creature sovranaturali. Roma, 1970. P. 25.*

⁸ *Машкин Серапион. Система философии // Символ (Париж–Москва). 2016. № 67. С. 312.*

звук лишается иконичности, когда состояние инструмента, его дрожь или обертоны, позволяет пережить смысл каждой ноты. Вместо этого звук просто отвечает настрою нашего слуха, и если мы при слушании впадаем в некоторый сон, то оказываемся только инструментами переживаний, а не субъектами суждений. В каком-то смысле это похоже на ускорение ангельского челна в Чистилище Данте, что недавно было хорошо раскрыто в комментарии О.А. Седаковой [Седакова 2017].

Скорее всего, Серапион Машкин имел в виду «двойную сирену», созданную знаменитым физиологом Гельмгольцем [Белявский 2013, с. 60]. Гельмгольц исследовал, как устроена наша реакция на звуковой стимул, и понял, что нервная реакция относится не только к воздействию воздушной звуковой волны на барабанную перепонку, но и к звучанию в сосуде уха, от которого зависит напряжение барабанной перепонки. Гельмгольц понял, что эксперименты с восприятием однотонного звука при простом его порождении каким-то прибором всегда дадут искажения, так как звук сначала будет настраивать слуховой аппарат человека, а уже потом будет воспринят. О таких искажениях в те времена думали много, отчасти из-за открытия скоростного передвижения, искажавшего тон привычных звуков (например, гудок несущегося паровоза имеет различный тон при восприятии с паровоза или с земли), отчасти из-за процессов, происходивших в самой музыке.

Двойная сирена Гельмгольца представляла собой механический синтезатор, в котором тон менялся на ходу, совершенно как меняется тон паровозного гудка при его восприятии. Но достигалось это не перемещением прибора, а особым воздушным резонансом двух вращающихся барабанов. Именно такое устройство и могло вгонять в сон: дело не в том, что звук был однообразным, а что само движение звука вызывало изменение звука еще прежде, чем нервную реакцию на него.

Дальше проблема единства и множества в связи с критикой ассоциативного мышления решалась не только Флоренским и Лосевым. В 1935 г. в Харбине вышла работа Д.В. Болдырева «Знание и бытие», сам автор, некогда сподвижник Колчака, преподаватель Пермского университета, не дожил до выхода книги из типографии. Болдырев воевал против психологического импрессионизма, против любых представлений о познании как прибавлении новых ассоциаций к старым. «И самый яркий, и самый развлекающий из них [предрассудков] – психология», как сказал Б.Л. Пастернак в «Детстве Люверс»⁹. Болдырев заметил, что кроме того, что мы

⁹ Пастернак Б.Л. Детство Люверс / Ред. В. Абашев. Пермь, 2018. С. 10.

различаем передний и задний план, мы можем и уточнить относительные расстояния, если между передним и задним планом окажется еще один:

Они [горы] отодвинутся на более отдаленный план, если между ними и глазом появится какая-нибудь промежуточная веха, данная в иной, более сильной степени, чем они, – например, деревушка или нить телеграфных столбов¹⁰.

Наше зрение оказывается слишком волюнтаристским, скрадывающим расстояния, тогда как промежуточная веха и позволяет впечатлению сделаться знанием. При этом интересно, что по сути речь идет о рассмотрении не любых объектов, но впечатляющих объектов. Исходя из такого понимания познания как ориентирования между передним и задним планом, Болдырев вводит новое понимание фантазии, порывая с любыми ее психологическими трактовками как смешения впечатлений, но требуя выделять тоже в ней разные планы и промежуточные состояния. Согласно Болдыреву, фантазия происходит из того, что по-настоящему нас могут впечатлить только невероятные события, но признать простую невероятность события означает просто покориться ему и перестать познавать. Поэтому мы начинаем всячески измерять невероятное: например, придумываем химеру, чтобы измерить расстояние от плана нашего существования до плана животного мира.

Но тогда сразу возникает вопрос: как возможно достоверное познание? Достоверным будет только соотнесение всех вещей с каким-то единым принципом, из-за чего мы и перестаем поддаваться как готовым впечатлениям, так и готовым соображениям-предрассудкам. И как только мы соотносим все вещи с одним принципом, мы либо становимся на сторону вещей, и тогда превращаемся в художников, быстро растрачивающих свои силы, либо на сторону принципа, и тогда превращаемся в подвижников, которые и объясняют своими словами и поступками, как нужно правильно соотносить вещи, и берут тем самым на себя огромную тяготу.

Такое представление о подвижничестве как о тяготе было обычным для харбинского монархизма. Ведь в таком случае монарх брал на себя наибольшую тяготу, но именно благодаря тому, что он – единый принцип социального устройства, он созерцает не только то, какие вещи есть, но и какими они могут быть, и тем самым прокладывает дорогу новым духовным возможностям

¹⁰ Болдырев Н.В., Болдырев Д.В. Смысл истории и революция. М.: Изд. журн. «Москва», 2001. С. 371.

страны. Такова историософия (мы бы сейчас сказали, оглядываясь на Карла Шмитта: политическая теология) архимандрита Константина Зайцева, прекрасно знавшего Болдырева, хотя и не так часто на него ссылавшегося: он именно так объясняет в своих политико-теологических статьях и эссе, как из тяглогового характера Московской Руси выросли достижения русской культуры от Пушкина до Рахманинова, при этом Петр I оказывается чем-то вроде того самого художника-растратчика, расточившего силы страны, но при этом открывшего эту эпоху высших достижений русской культуры. Болдырев говорил о «гнезде» как месте нравственных решений, которые поэтому становятся молниеносными, вопреки инертности и медлительности наших ассоциаций и соображений, таким же «гнездом», из которого вылетают молниеносные орлы, согласно Зайцеву, была Московская Русь:

О библейских легендарных империях напоминает эта грандиозная ополченская государственность, опирающаяся на молниеносно-быстрые службы: разведочную и оповестительную, связывавшие Москву с далеко выброшенными в степь передовыми постами¹¹.

Мысль об ангелах – покровителях государств отмечалась и Аверинцевым в указанном сочинении, со ссылкой на поэзию Вячеслава Иванова. Но Болдырев не мог бы ограничиться только восхищением той молнией, которая справилась с учреждением государства. По Болдыреву, можно запустить движение, которое, выражая вездеприсутствие вещи, и даст новую свободу в такой драматической ситуации. Архимандрит Константин мог бы признать подобное движение в реформах Петра, но Петра он недолюбливал, хотя и любил послепетровскую аристократию. Это движение, стремительно развернув вещь, которая и так везде есть, отовсюду видна и слышна, и хоть с чем-то ассоциируется и перекликается, освобождает нас от приблизительности. Болдырев считал все наше познание приблизительным, потому что мы ощущаем, не до конца соприкасаясь, даже ощупывание не есть еще проникновение, но только случайное совпадение некоторых точек, которые интуитивно понимают друг друга. Настоящее проникновение возможно только вещей, которые и так уже везде, которые заявили о себе так, чтобы мы могли к ним как-то определенно отнестись. Такой вещью будет любая вещь, хотя бы потому, что она нам может что-то сказать.

¹¹ *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории. М.: Форум, 2000. С. 520.

Сначала Болдырев пытался объяснить то, что не все вещи сразу призывают к себе, разной интенсивностью их присутствия: производя расчеты со временем, вещи иногда забываются и недостаточно интенсивно присутствуют везде. Но потом они вдруг начинают, напрягаясь в своих делах, рассчитывать уже с пространством, и время, ускоряясь, выводит вещи на чистую воду и делает их благодетельными для нас. Они уже не медлят в суетливом мелькании своих свойств, но делают эти свои свойства родными и знакомыми для нас. Не догадываемся мы об этом только до тех пор, пока продолжаем отождествлять прикосновение с познанием.

В русской литературе есть поэтическая ангелология, идеально иллюстрирующая эту странную тенденцию русской мысли. Это стихотворение В. Набокова «Крушение»¹².

Катастрофа Набокова – это не просто поломка пути, а действие центростремительных сил при решительном вращении железнодорожных колес. Цепляясь за прямой рельс, вдруг предавший доверие колеса, поезд срывается и летит по прямой:

Такая малость – винт некрепкий,
и вдруг под самой головой
чугун бегущий, обод цепкий
соскочит с рельсы роковой.

Загадочен финал стихотворения, видение дочери машиниста:

Там, завывая на изгибе,
стремилось сонмище колес,
и двое ангелов на гибель
громадный гнали паровоз.

И первый наблюдал за паром,
смеясь, переставлял рычаг,
сияя перистым пожаром,
в летучий вглядывался мрак.

Второй же, кочегар крылатый,
стальной чешуей блистал,
и уголь черною лопатой
он в жар без усталости метал.

¹² *Набоков В.В.* Стихи. Ann Arbor: Ardis, 1979. С. 171.

В качестве параллели к этим двум ангелам можно вспомнить два автомобиля из «Автомобиля» Ходасевича: автомобиль с белыми крыльями прозрачной памяти и автомобиль с черными крыльями забвения. Так и здесь прозорливый ангел, видящий все наперед, стоит рядом с ангелом-истопником, истребляющим пространство и время как уголь. Парадоксально, что и черный автомобиль Ходасевича, и черный ангел Набокова блистают, сияют, светят черными лучами; хотя мы привыкли понимать тьму как отсутствие света.

Кажется непонятно, благие ли эти ангелы видения, почему уничтожение блистает, а память просто видна насквозь, и почему катастрофа оказалась неминуема, несмотря на все усилия инженеров? Ответ мы неожиданно находим в учении об ангелах, восходящем к диалектике немецкого идеализма, но по большей части усвоившим Континуум-гипотезу Кантора. Конечно, с этим учением не были знакомы поэты, хотя идеи самого Кантора стали к их времени почти расхожим интеллектуальным языком, хотя бы через психоанализ с его представлениями о прерывности и непрерывности психической энергии, откуда произошел и поздний миф Фрейда об Эросе и Танатосе как необходимых линейных разрядах психической энергии (прежде всего в работе Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия»). Согласно этой гипотезе, любое подмножество бесконечности будет либо счетным, либо континуальным. Речь о трактате А.Ф. Лосева «Первозданная сущность», с которого мы начали статью и который должен был войти в «Диалектику мифа». В этом трактате Лосев выводит свойства ангелов из свойств неба, по отношению к которому, как он пытается доказать, ангелы будут одновременно и счетным, и континуальным подмножеством, в чем и состоит их духовное могущество. Для этого нужно допустить, что небо бесконечно, но при этом может быть описано в некоторых координатах, как счетная прямая: прямая окружность бесконечной длины устанавливает то равенство, в котором ангелы будут бесконечно исчисляемы, но и бесконечно непрерывны в своем бытии по отношению друг к другу:

Поэтому мир бесплотных сил, или Небо, есть такой шар, который имеет окружностью прямую линию. В умном мире всякая окружность есть прямая линия, и всякая прямая линия, если ее продолжать до бесконечности, обязательно сомкнется, превратившись в кривую и потом в окружность круга¹³.

В этом мире, по Лосеву, треугольник становится линией, шар – плоскостью. Но более того, Лосев выводит из этих свойств

¹³ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 114.

неба и свойства ангельского света, где и оказывается, что беспрепятственное действие ангела сияет; тогда как тень, инобытие и есть возможность этому сиянию сказаться вне:

Энергия, исходящая от самого Первоисточника всякой энергии, есть, конечно, нераздробленная целостность Смысла. Она везде ровно и одинаково сияет, не встречая никаких для себя препятствий.

Мы видели, что переход световой энергии в умное инобытие ведет за собою внутрисветовую дифференциацию, т. е. явление светотени¹⁴.

Приведенная ангелология объясняет парадоксы Ходасевича и Набокова: срыв поезда – это невозможность ангельского неба, где прямая и дуга всегда равны. Один из ангелов, который прозорлив – континуум света, который не сияет, потому что это континуум памяти, континуум наблюдения. Другой ангел, мрачный ангел забвения, сияет как свет в светотени, мы можем только учитывать счастливое бытие, брать его на заметку, но не непрерывно пребывать в нем; отсюда неминуемая катастрофа. Ангелы не могут быть только в своем инобытии, как у Лосева, им приходится быть и в бытии, которое ломается, будучи не в силах поддерживать свою непрерывность.

По сути, Лосев изобразил ситуацию не ангельского мира, а европейской живописи, с ее светотенями, вырванными светом из тьмы фигурами, которые поэтому и обретают объем, как мы видим в живописи Караваджо, которая как раз в 1920-е гг. входила в обязательный канон мировой живописи [Свидерская 2001, с. 20–24]. Только обретение объема, жизни и оказывается и у Лосева, и у Ходасевича, и у Набокова возможностью реальной, а не воображаемой катастрофы.

Источники

Аверинцев С.С. Ангелы // Аверинцев С.С. София-Логос / Ред. К. Сигов. Киев, 2001. С. 28–31.

Болдырев Н.В., Болдырев Д.В. Смысл истории и революция. М.: Изд. журн. «Москва», 2001. 390 с.

Булгаков Сергей. Лестница Иаковля: Об ангелах. Париж, 1929. 229 с.

Архим. Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М.: Форум, 2000. 863 с.

Лосев А.Ф. Первозданная сущность // Лосев А.Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 101–126.

¹⁴ Там же. С. 116.

Набоков В.В. Стихи. Ann Arbor: Ardis, 1979.

Пастернак Б.Л. Детство Люверс / Ред. В. Абашев. Пермь, 2018.

Машкин Серапион. Система философии // Символ (Париж-Москва). 2016. № 67. С. 53–612.

Campanella Tommaso. Le creature sovranaturali. Roma, 1970.

Литература

Базулева 2011 – *Базулева Т.Л.* Ангелология Николая Кузанского и средневековое богословие // *Verbum*, 2011. № 13. С. 199–204.

Белявский 2013 – *Белявский А.Г.* Теория звука в приложении к музыке. М., 2013.

Ларионов 2008 – *Ларионов А.В.* Ангелология Михаила Пселла в контексте богословских взглядов церковных писателей XI века // *Мир православия*. Вып. 7. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2008. С. 57–77.

Левина 2018 – *Левина Т.В.* Символ и познание: абсолютная бесконечность у Георга Кантора и Павла Флоренского // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 2. № 4. С. 32–50.

Свидерская 2001 – *Свидерская М.И.* Караваджо. Первый современный художник. Санкт-Петербург, 2001.

Седакова 2017 – *Седакова О.А.* Перевести Данте // *Знамя*. 2017. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2017/2/perevesti-dante.html> (дата обращения 30 марта 2021).

References

Bazuleva, T.L. (2011), “Angelology of Nicholas of Kues and medieval theology”, *Verbum*, no. 13, pp. 199–204.

Belyavskii, A.G. (2013), *Teoriya zvuka v prilozhenii k muzyke* [Sound theory as applied to music], Moscow, Russia.

Larionov, A.V. (2008), “Angelology of Michael Psellus in the context of theological views of the church writers of the 11th century”, *Mir pravoslaviya*, iss. 7, Volgograd, Russia, pp. 57–77.

Levina, T.V. (2018), “Symbol and knowledge. ‘Absolute infinity’ in Georg Cantor and Pavel Florensky’s works”, *Philosophy. Journal of Higher School of Economics*, vol. 2, no. 4, pp. 32–50.

Sviderskaya, M.I. (2001), *Karavadzho. Pervyi sovremennyyi khudozhnik* [Caravaggio. The first contemporary artist], Saint Petersburg, Russia.

Sedakova, O.A. (2017), “Translating Dante”, *Znamya*, no. 2, available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2017/2/perevesti-dante.html> (Accessed 30 March 2021).

Информация об авторе

Александр В. Марков, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; markovius@gmail.com

Information about the author

Aleksandr V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; markovius@gmail.com